

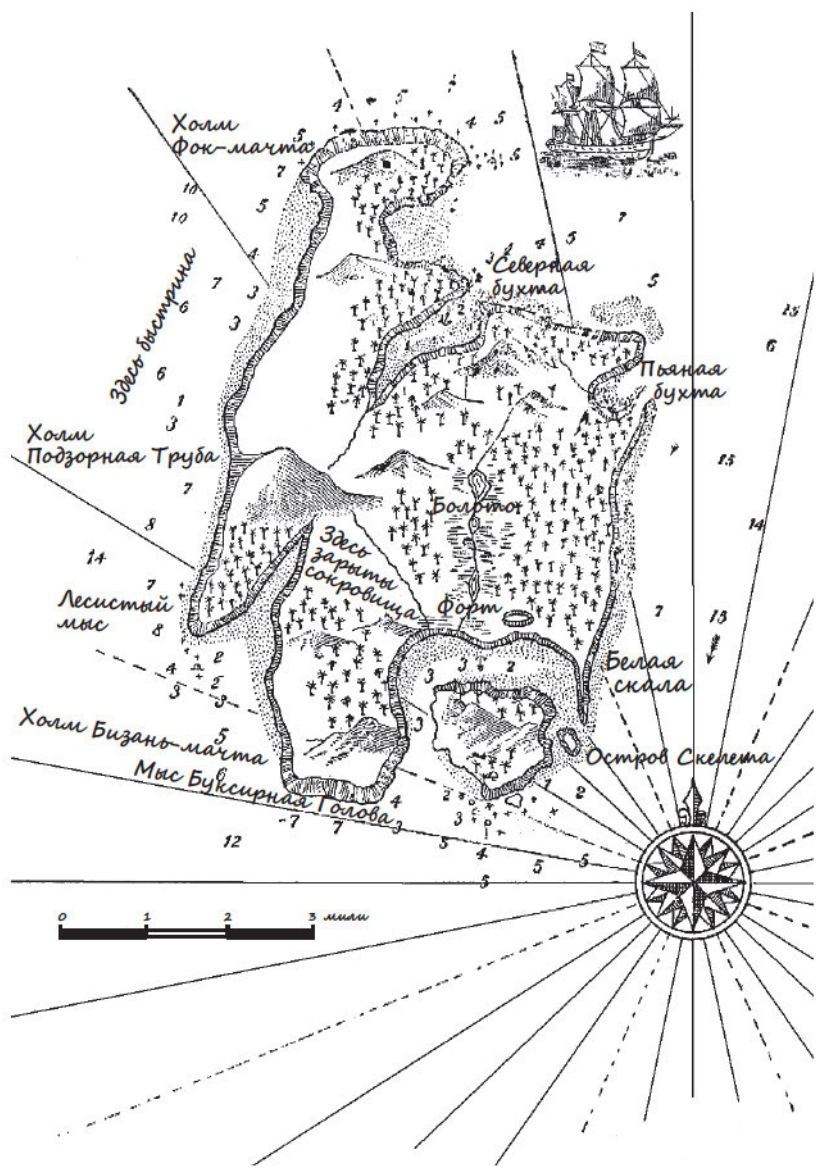
*С. Л. О.,
американскому джентльмену,
чей классический вкус способствовал
появлению этого повествования,
теперь, в благодарность за многие приятные часы,
с наилучшими пожеланиями
посвящает
его преданный друг, автор*

СОМНЕВАЮЩЕМУСЯ ЧИТАТЕЛЮ

Когда рассказов ряд о смелых морях,
О приключеньях их, о бурях и преградах,
О шхунах, островах, бездольных бедняках,
Оставленных на них, и о зарытых кладах,
И о разбойниках, — все в духе старины,
Вам нравится еще, как нравился мне тоже,
О юноши, начать вы чтение должны,
А если нет, и вкус у нашей молодежи

Теперь пропал к тому, что восторгало нас,
И восхищать ее совсем уже не стали
Кингстон и Баллантайн иль Купера рассказ
О водах и лесах, там, в необъятной дали, —
То будь что будет!.. Мне останется одно —
Моим пиратам всем найти успокоенье:
В могилу с ними лечь, куда легли давно
Те старые творцы и с ними их творенья...¹

¹ Перевод П. Быкова.

Часть первая

СТАРЫЙ ПИРАТ

Глава I

СТАРЫЙ МОРСКОЙ ВОЛК В ТРАКТИРЕ «АДМИРАЛ БЕНБОУ»

Сквайр Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены попросили меня написать все, что я знаю об острове Сокровищ. Им хочется, чтобы я рассказал всю историю, с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова. Указывать, где лежит этот остров, в настоящее время еще невозможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которых мы не вывезли оттуда. И вот в нынешнем, 17.. году я берусь за перо и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда у моего отца был трактир «Адмирал Бенбоу» и в этом трактире поселился старый загорелый моряк с сабельным шрамом на щеке.

Я помню, словно это было вчера, как, тяжело ступая, он дотоптался до наших дверей, а его морской сундук везли за ним на тачке. Это был высокий, сильный, грузный мужчина со смуглым лицом. Просмоленная косичка торчала над воротом его засаленного синего кафтана. Руки у него были шершавые, в каких-то рубцах, ногти черные, поломанные, а сабельный шрам на щеке — грязновато-белого цвета, со свинцовым оттенком. Помню, как незнакомец, посвистывая, оглядел нашу бухту и вдруг загорланил старую матросскую песню, которую потом пел так часто:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Голос у него был стариковский, дребезжащий, визгливый, как скрипучая вымбовка.

И палка у него была как гандшпуг. Он стукнул этой палкой в нашу дверь и, когда мой отец вышел на порог, грубо потребовал стакан рому.

Ром был ему подан, и он с видом знатока принялся не спеша смаковать каждый глоток. Пил и поглядывал то на скалы, то на трактирную вывеску.

— Бухта удобная, — сказал он наконец. — Неплохое место для таверны. Много народу, приятель?

Отец ответил, что нет, к сожалению, очень немного.

— Ну что же! — сказал моряк. — Эта якорная стоянка как раз для меня... Эй, браток! — крикнул он человеку, который катил за ним тачку. — Подгребай-ка сюда и помоги мне втащить сундук... Я пожи-ву здесь немного, — продолжал он. — Человек я простой. Ром, свиная грудинка, яичница — вот и все, что мне нужно. Да вон тот мыс, с которого видны корабли, проходящие по морю... Как меня называть? Ну что же, зовите меня капитаном... Эге, я вижу, чего вы хотите! Вот!

И он швырнул на порог три или четыре золотые монеты.

— Когда эти кончатся, можете прийти и сказать, — проговорил он грозно и с видом командира взглянул на отца.

И действительно, хотя одежда у него была плоховата, а речь отличалась грубостью, он не был похож на простого матроса. Скорее, его можно было принять за штурмана или шкипера, который привык, чтобы ему подчинялись, и любит давать волю своему кулаку. Человек с тачкой рассказал нам, что незнакомец прибыл вчера утром на почтовых в «Гостиницу короля Георга» и расспрашивал там обо всех постоянных дворах, расположенных поблизости от моря. Должно быть, услышав о нашем трактире хорошие отзывы и узнав, что он стоит на отлете, капитан решил поселиться у нас. Вот и все, что удалось нам узнать о своем постояльце.

Человек он был молчаливый. Целыми днями бродил по берегу бухты или взбирался на скалы с медной подзорной трубой. По вечерам он сидел в общей комнате в самом углу, у огня, и пил ром, слегка разбавляя его водой. Он не отвечал, если с ним заговаривали. Только окинет свирепым взглядом и засвистит носом, как корабельная сирена в тумане. Вскоре мы и наши посетители научились оставлять его в покое. Каждый день, воротившись с прогулки, он справлялся, не проходили ли по нашей дороге какие-нибудь моряки. Сначала мы думали, что ему не хватает компании таких же забулдыг, как он сам. Но под конец мы стали понимать, что он желает быть подальше от них. Если какой-нибудь моряк, пробираясь по прибрежной дороге в Бристоль, останавливался в «Адмирале Бенбоу», капитан сначала разглядывал его из-за дверной занавески и только после этого выходил в гостиную. В присутствии подобных людей он всегда сидел тихо как мышь.

Я-то знал, в чем тут дело, потому что капитан поделился со мной своей тревогой. Однажды он отвел меня в сторону и пообещал платить мне первого числа каждого месяца по четыре пенса серебром, если я буду в оба глаза смотреть, не появится ли где моряк «на одной ноге», и сообщу ему сразу же, как только увижу такого. Когда наступало первое число и я обращался к нему за обещанным жалованьем, он только трубил носом и свирепо глядел на меня. Но не проходило и недели, как, подумав, он приносил мне монетку и повторял приказание не пропустить «моряка на одной ноге».

Ну и натерпелся я страху с этим одноногим моряком! Он преследовал меня даже во сне. Бурными ночами, когда ветер сотрясал все четыре угла нашего дома, а прибой ревел в бухте и в утесах, он снился мне на тысячу ладов, в виде тысячи разных дьяволов. Нога была отрезана у него то по колено, то по самое бедро. Порою он казался мне каким-то страшным чудовищем, у которого одна-единственная нога растет из самой середины туловища. Он гонялся за мной на этой одной ноге, перепрыгивая через плетни и канавы. Недешево доставались мне мои четыре пенса каждый месяц: я расплачивался за них этими отвратительными снами.

Но как ни страшен был для меня одноногий моряк, самого капитана я боялся гораздо меньше, чем все остальные. В иные вечера он выпивал столько рому с водой, что голова у него шла ходуном, и тогда он долго оставался в трактире и распевал свои старинные, дикие, жестокие морские песни, не обращая внимания ни на кого из присутствующих. А случалось и так, что он приглашал всех к своему столу, требовал стаканы и заставлял оробевших собутыльников либо слушать его рассказы о морских приключениях, либо подпевать ему хором. Стены нашего дома содрогались тогда от «Йо-хо-хо, и бутылка рому», так как все посетители, боясь его неистового гнева, старались перекричать один другого и петь как можно громче, лишь бы капитан остался ими доволен, потому что в такие часы он был необузданно грозен: то стучал кулаком по столу, требуя, чтобы все замолчали; то приходил в ярость, если кто-нибудь перебивал его речь, задавал ему какой-нибудь вопрос; то, наоборот, свирепел, если к нему не обращались с вопросами, так как, по его мнению, это доказывало, что слушают его невнимательно. Он никого не выпускал из трактира — компания могла разойтись лишь тогда, когда им овладевала дремота от выпитого вина и он, шатаясь, ковлял к своей постели.

Но страшнее всего были его рассказы. Ужасные рассказы о виселицах, о хождении по доске, о штормах и об островах Драй-Тортугас, о разбойничьих гнездах и разбойничьих подвигах в Испанском море.

Судя по его рассказам, он провел всю свою жизнь среди самых отвязленных злодеев, какие только бывали на море. А брань, которая вылетала из его уст после каждого слова, пугала наших простодушных деревенских людей не меньше, чем преступления, о которых он говорил.

Отец постоянно твердил, что нам придется закрыть наш трактир: капитан отвадит от нас всех посетителей. Кому охота сносить такие издевательства и дрожать от ужаса по дороге домой! Однако я думаю, что капитан, напротив, приносил нам скорее выгоду. Правда, посетители боялись его, но через день их снова тянуло к нему. В тихую, захолустную жизнь он внес что-то необычное, яркое. Среди молодежи нашлись даже поклонники капитана, заявлявшие, что они восхищаются им. «Настоящий морской волк, насквозь просоленный морем!» — говорили они.

По их словам, именно благодаря таким людям Англия и стала грозой морей.

Но с другой стороны, этот человек и вправду приносил нам убытки. Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем; деньги, которые он дал нам при своем появлении, давно уже были истрачены, а новых денег он не платил, и у отца не хватало духу потребовать их. Стоило отцу заикнуться о плате, как капитан с яростью принимался сопеть — это было даже не сопенье, а рычанье; он так грозно смотрел на отца, что тот в ужасе вылетал из комнаты. Я видел, как после подобных попыток он в отчаянии ломал себе руки. Для меня нет сомнения, что эти страхи значительно ускорили горестную и преждевременную кончину отца.

За все время, покуда капитан жил у нас, он ходил в одной и той же одежде, только приобрел у разносчика несколько пар чулок. Один край его шляпы обвис; капитан так и оставил его, хотя при сильном ветре это было большим неудобством. Я хорошо помню, какой у него был драный кафтан; сколько он ни чинил его наверху, в своей комнате, в конце концов кафтан превратился в лохмотья.

Никаких писем он никогда не писал и не получал ниоткуда. И никогда ни с кем не вступал в разговор, разве только с соседями, да и то если был очень пьян. И никто из нас никогда не видел, чтобы он открывал свой сундук.

Только один-единственный раз капитану посмели перечить, и то произошло это в самые последние дни, когда мой несчастный отец был при смерти.

Как-то вечером к больному пришел доктор Ливси. Он осмотрел пациента, наскоро съел обед, которым угостила его моя мать, и спустился в общую комнату выкурить трубку, поджидая, когда приведут его лошадь. Лошадь осталась в деревушке, так как в старом «Бен-боу» не было конюшни.

В общую комнату проводил его я и помню, как этот изящный, щегольски одетый доктор в белоснежном парике, черноглазый, учтивый, поразил меня своим несходством с деревенскими увальнями, посещавшими наш трактир. Особенно резко отличался он от нашего вороньего пугала, неряшливого, мрачного, грузного пирата, который надрызгался рому и сидел, навалившись локтями на стол.

Вдруг капитан заревел свою вечную песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Пей, и дьявол тебя доведет до конца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Первое время я думал, что «сундук мертвеца» — это тот самый сундук, который стоит наверху, в комнате капитана.

В моих страшных снах этот сундук нередко возникал передо мною вместе с одноногим моряком. Но мало-помалу мы так привыкли к этой песне, что перестали обращать на нее внимание. В этот вечер она была новостью только для доктора Ливси и, как я заметил, не произвела на него приятного впечатления. Он сердито поглядывал на капитана, прервав свой разговор со старым садовником Тейлором о новом лекарстве от ревматизма. А между тем капитан, разгоряченный своим собственным пением, ударил кулаком по столу. Это означало, что он требует тишины.

Все голоса смолкли разом; один только доктор Ливси продолжал говорить внятно и дружелюбно, попыхивая трубочкой после каждого слова. Капитан пронзительно взглянул на него, потом снова ударил кулаком по столу, потом взглянул еще более пронзительно и вдруг заорал, сопровождая свои слова непристойной бранью:

- Эй, там, на палубе, молчать!
- Вы ко мне обращаетесь, сэр? — спросил доктор.

Старый невежа сказал, что именно к нему, и при том выругался снова.

— В таком случае, сэр, я скажу вам одно, — ответил доктор. — Если вы не перестанете пьянствовать, вы скоро избавите мир от одного из самых гнусных мерзавцев!

Капитан пришел в неистовую ярость. Он вскочил на ноги, вытащил и открыл свой матросский складной нож и, покачивая его на ладони, стал грозить доктору, что пригвоздит его к стене.

Доктор даже не шевельнулся. Он продолжал говорить с ним, не оборачиваясь, через плечо, тем же голосом, может быть, только немного громче, чтобы все могли слышать. Спокойно и твердо он произнес:

— Если вы сейчас же не спрячете этот нож в карман, клянусь вам честью, что вы будете болтаться на виселице после первой же сессии нашего разъездного суда.

Они смерили друг друга враждебными взглядами. Но капитан скоро сдался. Он спрятал свой нож и опустился на стул, ворча, как побитый пес.

— А теперь, сэр, — продолжал доктор, — так как мне стало известно, что в моем округе находится подобная особа, я установлю над вами неусыпный надзор. Я не только врач, я и судья. И если до меня дойдет хоть малейшая жалоба — хотя бы только на то, что вы нагрубили кому-нибудь, вот как сейчас, — я приму решительные меры, чтобы вас забрали и выгнали отсюда. Больше я ничего не скажу.

Вскоре доктору Ливси подали лошадь, и он ускакал. Но капитан весь вечер был тих и смирен и оставался таким еще много вечеров подряд.

Глава II ЧЕРНЫЙ ПЕС ПРИХОДИТ И УХОДИТ

Вскоре случилось первое из тех загадочных событий, благодаря которым мы избавились наконец от капитана. Но, избавившись от него самого, мы не избавились, как вы сами увидите, от навязанных им хлопот.

Стояла холодная зима с долгими трескучими морозами и бурными ветрами. И с самого начала стало ясно, что мой бедный отец едва ли увидит весну. С каждым днем ему становилось хуже, так что хозийничать в трактире приходилось мне и моей матери. У нас было

дел по горло, и мы уделяли очень мало внимания нашему неприятному постояльцу.

Было раннее январское морозное утро. Бухта поседела от инея. Мелкая рябь ласково лизала прибрежные камни. Солнце еще не успело подняться и только тронуло своими лучами вершины холмов и морскую даль. Капитан проснулся раньше обыкновенного и направился к морю. Под широкими полами его истрепанного синего кафтана колыхался кортик, под мышкой у него была подзорная труба. Шляпу он сдвинул на затылок. Я помню, что изо рта у него вылетал пар и клубился в воздухе, как дым. Я слышал, как злобно он фыркнул, скрываясь за большим утесом, — вероятно, все еще не мог позабыть о своем столкновении с доктором Ливси.

Мать была наверху, у отца, а я накрывал стол для завтрака к приходу капитана. Вдруг дверь отворилась, и в комнату вошел человек, которого прежде я никогда не видел.

Лицо у него было землистое. На левой руке не хватало двух пальцев. Ничего воинственного не было в нем, хотя на поясе висел кортик. Я всегда следил в оба за каждым моряком, будь он на одной ноге или на двух, и помню, что этот человек очень меня озадачил. На моряка он был мало похож, и все же я почувствовал, что он моряк.

Я спросил, что ему угодно, и он потребовал рому. Я кинулся было из комнаты, чтобы исполнить его приказание, но он сел за стол и подозвал меня к себе. Я остановился с салфеткой в руке.

— Поди-ка сюда, сынок, — сказал он. — Подойди поближе.

Я подошел.

— Этот стол накрыт для моего дружка Билли? — спросил он, ухмыляясь.

Я ответил, что не знаю никакого Билли и что стол накрыт для одного нашего постояльца, которого мы зовем капитаном.

— Ну что же, — сказал он, — мой дружок Билли, скорей всего, и величает себя капитаном. У него шрам на щеке и очень приятное обхождение, особенно когда он напьется. Вот он каков, мой друг Билли! Предположим, у вашего капитана тоже шрам на щеке, и допустим, что как раз на правой. Правильно! Итак, я хотел бы знать: обретается ли он здесь, в этом доме, мой товарищ Билли?

Я ответил, что капитан пошел пройтись.

— А куда, сынок? Куда он пошел?

Я показал ему большой утес и сказал, что капитан должен появиться оттуда.

— А когда?

И, задав мне еще несколько разных вопросов, он проговорил под конец:

— Да, мой товарищ Билли обрадуется мне, как выпивке.

Однако лицо у него при этих словах было злобное, и я имел все основания думать, что капитан будет не слишком-то рад встрече с ним. Но я тут же сказал себе, что это меня не касается. И, кроме того, трудно было предпринять что-нибудь при таких обстоятельствах. Незнакомец стоял у самой входной двери трактира и следил за углом дома, словно кот, подстерегающий мышшь. Я хотел было сам выйти на дорогу, но он тотчас же окликнул меня. Я не сразу ему повиновался, и его бледное лицо вдруг исказилось таким гневом и он разразился такими ругательствами, что я в страхе так и подскочил. Но едва я вернулся, он стал разговаривать со мной по-прежнему, не то льстиво, не то насмешливо, потрепал меня по плечу, сказал мне, что я славный мальчишка и что он сразу меня полюбил.

— У меня есть сын, — сказал он, — и ты похож на него как две капли воды. Он гордость моего родительского сердца. Но для мальчиков главное — послушание. Да, сынок, послушание. Вот если бы ты поплавал с Билли, тебя не пришлось бы окликать два раза. Билли никогда не повторял приказаний, да и другие, что с ним плавали... А вот и он, мой дружище Билли, с подозрной трубой под мышкой, благослови его Бог! Давай-ка пойдем опять в зал, спрячемся за дверью, сынок, и устроим Билли сюрприз, обрадуем Билли, благослови его Бог!

С этими словами он загнал меня в общую комнату, в угол, и спрятал у себя за спиной. Мы оба были заслонены открытой дверью. Мне было и неприятно и страшновато, как вы можете себе представить, особенно когда я заметил, что незнакомец и сам определенно трусит. Он высвободил рукоятку своего кортика, чуть-чуть вытащил его из ножен и все время делал такие движения, как будто глотает какой-то кусок, застрявший у него в горле.

Наконец в комнату ввалился капитан, хлопнул дверью и, не глядя по сторонам, направился прямо к столу, где его поджидал завтрак.

— Билли! — проговорил незнакомец, стараясь придать своему голосу твердость и смелость.

Капитан повернулся на каблуках и увидел нас. Загар как бы сошел с его лица, даже нос его сделался синим. У него был вид человека, который повстречался с привидением, или с дьяволом, или с чем-

нибудь похуже, если такое бывает. И, признаюсь вам, мне стало жалко его — таким он сразу сделался старым и дряблым.

— Разве ты не узнаешь меня, Билли? Неужели ты не узнаешь своего старого корабельного товарища, Билли? — сказал незнакомец.

Капитан открыл рот, словно у него не хватило дыхания.

— Черный Пес! — проговорил он наконец.

— Он самый, — ответил незнакомец, несколько приободрившись. — Черный Пес пришел проведать своего старого корабельного друга, своего Билли, живущего в трактире «Адмирал Бенбоу». Ах, Билли, Билли! Сколько воды утекло с тех пор, как я лишился двух своих когтей! — воскликнул он, подняв искаленную руку.

— Ладно, — сказал капитан. — Ты выследил меня, и я перед тобой. Говори же, зачем пришел?

— Узнаю тебя, Билли, — ответил Черный Пес. — Ты прав, Билли. Этот славный мальчуган, которого я так полюбил, принесет мне стаканчик рому. Мы посидим с тобой, если хочешь, и поговорим без обиняков, напрямик, как старые товарищи.

Когда я вернулся с бутылкой, они уже сидели за столом капитана друг против друга.

Черный Пес сидел боком, поближе к двери, и одним глазом смотрел на своего старого друга, а другим — на дверь, путь к отступлению.

Он велел мне уйти и оставить дверь открытой настежь.

— Чтобы ты, сыночек, не подсматривал в замочную скважину, — пояснил он.

Я оставил их вдвоем и ушел на кухню.

Долгое время, несмотря на все старания, я не слышал ничего, кроме невнятного говора. Но мало-помалу голоса становились все громче, и наконец мне удалось уловить несколько слов, главным образом бранных, летевших из уст капитана.

Раз капитан закричал:

— Нет, нет, нет, нет! И довольно об этом! Слышишь?

И потом снова:

— Если дело дойдет до виселицы, так пусть на ней болтаются все!

Потом внезапно раздался страшный взрыв ругательства, стол и скамья с грохотом опрокинулись на пол, звякнула сталь, кто-то вскрикнул от боли, и через минуту я увидел Черного Пса, со всех ног

бегущего к двери. Капитан гнался за ним. Их кортики были обнажены. У Черного Пса из левого плеча текла кровь. Возле самой двери капитан занес кортик для последнего, самого страшного удара и, несомненно, разрубил бы убегающему голову пополам, но кортик зацепился за большую вывеску нашего «Адмирала Бенбоу». На вывеске внизу, на самой раме, до сих пор можно видеть след от него.

На этом битва кончилась.

Выскочив на дорогу, Черный Пес, несмотря на свою рану, прыгнул улепетывать с такой удивительной скоростью, что через полминуты исчез за холмом. Капитан стоял, остолбенело уставясь на вывеску. Затем несколько раз провел рукой по глазам и вернулся в дом.

— Джим, — приказал он, — рому!

Он слегка пошатнулся при этих словах и оперся рукой о стену.

— Вы ранены? — воскликнул я.

— Рому! — повторил он. — Мне нужно убираться отсюда. Рому! Рому!

Я побежал за ромом, но от волнения разбил стакан и долго не мог закрыть кран бочонка. И пока я приводил все в порядок, вдруг я услышал, как в зале что-то грузно грохнулось на пол. Я вбежал и увидел капитана, который во всю свою длину растянулся на полу. Мать, встревоженная криками и дракой, сбежала вниз мне на помощь. Мы приподняли голову капитана. Он дышал очень громко и тяжело. Глаза его были закрыты, лицо побагровело.

— Боже мой! — воскликнула мать. — Какой срам для нашего трактира! А твой бедный отец, как нарочно, лежит больной!

Мы не знали, как помочь капитану, и были уверены, что он смертельно ранен во время потасовки с незнакомцем. Я принес рому и попытался влить ему в рот. Но сильные челюсти его были сжаты, как железные.

К счастью, дверь отворилась, и вошел доктор Ливси, приехавший осмотреть моего больного отца.

— Доктор, помогите! — воскликнули мы. — Что нам делать? Куда он ранен?

— Ранен? — сказал доктор. — Чепуха! Он так же ранен, как ты или я. У него просто удар. Что делать! Я предупреждал его... Ну, миссис Хокинс, возвращайтесь наверх к мужу и, если можно, ничего не говорите ему. А я попытаюсь спасти эту трижды никчемную жизнь... Джим, принеси мне таз.

Когда я вернулся с тазом, доктор уже засучил у капитана рукав и обнажил его большую, мускулистую руку. Рука была татуирована во многих местах. На предплечье синели четкие надписи: «*На счастье*», «*Попутного ветра*» и «*Удачи Билли Бонсу*».

Возле самого плеча была нарисована виселица, на которой болтался человек. Рисунок этот, как мне показалось, был выполнен с истинным знанием дела.

— Пророческая картинка, — заметил доктор, трогая пальцем изображение виселицы. — А теперь, сударь Билли Бонс, если вас действительно так зовут, мы посмотрим, какого цвета ваша кровь... Джим, — обратился он ко мне, — ты не боишься крови?

— Нет, сэр, — сказал я.

— Отлично, — проговорил доктор. — Тогда держи таз.

Он взял ланцет и вскрыл вену.

Много вытекло у капитана крови, прежде чем он открыл глаза и обвел нас мутным взглядом. Он узнал доктора и нахмурил брови. Потом заметил меня и как будто несколько успокоился. Потом вдруг покраснел и, пробуя встать, закричал:

— Где Черный Пес?

— Здесь нет никакого пса, кроме того, что грызет вас изнутри, — сказал доктор. — Вы пили слишком много рому. И вот вас хватил удар, как я вам предсказывал. И я, хоть, видит Бог, без всякой охоты, вытащил вас из могилы. Ну, мистер Бонс...

— Я не Бонс, — перебил капитан.

— Не важно, — сказал доктор. — У меня есть знакомый пират, которого зовут Бонсом, и я дал вам это имя для краткости. Запомните, что я вам скажу: один стакан рому вас, конечно, не убьет, но, если вы выпьете один стакан, вам захочется выпить еще и еще. И ручаюсь моим париком: если вы не бросите пить, вы в самом скором времени умрете. Понятно? Пойдете туда, где вам уготовано местечко, как сказано в Библии... Так попробуйте же взять себя в руки! А сейчас, так и быть, я помогу вам добраться до постели.

С большим трудом мы втащили капитана наверх и уложили в постель. Он в изнеможении упал на подушку. Он был почти без чувств.

— Так помните, — сказал доктор, — я говорю вам по чистой совести: слово «ром» и слово «смерть» для вас означают одно и то же.

Взяв меня за руку, он отправился к моему больному отцу.

— Пустяки, — сказал он, едва мы закрыли за собой дверь. — Я выпустил из него столько крови, что он надолго успокоится. Неделю пусть лежит в постели, это полезно и для него, и для вас. Но второго удара ему не пережить.

Глава III ЧЕРНАЯ МЕТКА

Около полудня я вошел к капитану с прохладительным питьем и лекарством. Он лежал в том же положении, как мы его оставили, только немного повыше. Он показался мне очень слабым и в то же время очень возбужденным.

— Джим, — сказал он, — ты один здесь чего-нибудь стоишь. И ты знаешь: я всегда был добр к тебе. Не было месяца, чтобы я не давал тебе четыре пенса серебром. Видишь, друг, мне скверно, я всеми покинут! И, Джим, ты принесешь мне кружечку рома, не правда ли?

— Доктор... — начал я.

Но он принялся ругать доктора слабым голосом, но очень сердито.

— Все доктора — бездельники, — сказал он. — А этот ваш здешний доктор — ну что он понимает в морях? Я бывал в таких странах, где жарко, как в кипящей смоле, где люди так и падали от Желтого Джека, а от землетрясений на суше стояла качка, словно в море. Что знает ваш доктор об этих местах? И я жил только ромом, да! Ром был для меня и мясом, и водой, и женой, и другом, и, если я сейчас не выпью рому, я буду как бедный старый корабль, выкинутый на берег штормом. И моя кровь падет на тебя, Джим, и на этого треклятого доктора...

И он снова разразился ругательствами.

— Посмотри, Джим, как дрожат мои пальцы, — продолжал он жалобным голосом. — Я не могу остановить их, чтобы они не дрожали. У меня сегодня не было ни капли во рту. Этот доктор — дурак, уверяю тебя. Если я не выпью рому, Джим, мне будут мерещиться ужасы. Кое-что я уже видел, ей-богу! Я видел старого Флинта, он там, в углу, у тебя за спиной. Видел его ясно, как живого. А когда мне мерещатся ужасы, я становлюсь как зверь — я ведь человек дикий. Ваш доктор сам сказал, что один стаканчик меня не убьет. Я дам тебе золотую гинею за одну кружечку, Джим!

Он клянчил все настойчивее и был так взбудоражен, что я испугался, как бы его не услышал отец. Отцу в тот день было особенно плохо, и он нуждался в полном покое. К тому же меня ободряли слова доктора, что один стакан не повредит капитану.

— Не нужно мне ваших денег, — ответил я, потому что предложение взятки очень оскорбило меня. — Заплатите лучше то, что вы должны моему отцу. Я принесу вам стакан, но только один-единственный.

Я принес стакан рому. Он жадно схватил его и выпил до дна.

— Вот и хорошо! — сказал он. — Мне сразу же стало лучше. Послушай, друг, доктор не говорил, сколько мне лежать на этой койке?

— По крайней мере неделю, — сказал я.

— Гром и молния! — вскричал капитан. — Неделю! Если я буду лежать неделю, они успеют прислать мне черную метку. Эти люди уже пронюхали, где я, — моты и лодыри, которые не могли сберечь свое и зарятся теперь на чужое. Разве так настоящие моряки поступают? Вот я, например: я человек бережливый, никогда не сорил деньгами и не желаю терять нажитого. Я опять их надую. Я отчалю от этого рифа и опять оставлю их всех в дураках.

С этими словами он стал медленно приподниматься, схватив меня за плечо с такой силой, что я чуть не закричал от боли. Тяжело, как колоды, опустились его ноги на пол. И его пылкая речь совершенно не соответствовала еле слышному голосу.

После того как он сел на кровати, он долго не мог выговорить ни слова, но наконец произнес:

— Доконал меня этот доктор... В ушах у меня так и поет. Помогите мне лечь...

Но прежде чем я протянул к нему руку, он снова упал в постель и некоторое время лежал молча.

— Джим, — сказал он наконец, — ты видел сегодня того моряка?

— Черного Пса? — спросил я.

— Да что там Черный Пес, — сказал он. — Он очень нехороший человек, но те, которые послали его, еще хуже, чем он. Слушай, если мне не удастся отсюда убраться и они пришлют мне черную метку, знай, что они охотятся за моим сундуком. Тогда садись на коня — ведь ты ездешь верхом, правда? — тогда садись на коня и скачи во весь дух... Теперь уж мне все равно... Скачи хоть к этому проклятому чистоплюю-доктору и скажи ему, чтобы свистал всех наверх — всяких там присяжных и судей — и накрыл моих гостей на борту «Адмирала Бенбоу», всю шайку старого Флинта, всех до одного,

сколько их еще осталось в живых. Я был первым штурманом старого Флинта, и я один знаю, где находится то место. Он сам все мне передал в Саванне, когда лежал при смерти, вот как я теперь лежу. Видишь? Но ты ничего не делай, пока они не пришлют мне черную метку или пока ты снова не увидишь Черного Пса или моряка на одной ноге. Этого одноногого, Джим, остерегайся больше всего.

— А что это за черная метка, капитан? — спросил я.

— Это вроде как повестка, приятель. Когда они пришлют, я тебе скажу. Ты только не проворонь их, милый Джим, и я разделю с тобой все пополам, даю тебе честное слово...

Он начал заговариваться, и голос его становился все слабее. Я дал ему лекарство, и он принял его, как ребенок.

— Еще ни один моряк не нуждался так в лекарстве, как я.

Вскоре он впал в тяжелое забытие, и я оставил его одного.

Не знаю, как бы я поступил, если бы все обошлось благополучно. Вероятно, я рассказал бы обо всем доктору, ибо я смертельно боялся, чтобы капитан не пожалел о своей откровенности и не прикончил меня. Но обстоятельства сложились иначе. Вечером внезапно скончался мой бедный отец, и мы позабыли обо всем остальном. Я был так поглощен нашим горем, посещениями соседей, устройством похорон и работой в трактире, что у меня не было времени ни думать о капитане, ни бояться его.

На следующее утро он сошел вниз как ни в чем не бывало. Ел в обычные часы, но без всякого аппетита, зато, должно быть, хлебнул лишнего, потому что сам угощался у стойки. При этом он фыркал и сопел так сердито, что никто не дерзнул ему перечить. Вечером накануне похорон он был пьян, как обычно. Отвратительно было слышать его разнузданную, дикую песню в нашем печальном доме. И хотя он был очень слаб, мы до смерти боялись его, тем более что доктор был далеко: его вызвали за несколько миль к одному больному, и после смерти отца он ни разу не показывался возле нашего дома.

Я сказал, что капитан был слаб. И действительно, он не только не поправлялся, но как будто все больше терял силы. С трудом всходил он на лестницу; шатаясь, ковлялся из зала к нашей стойке. Иногда он высовывал нос за дверь — подышать морем, но хватался при этом за стену. Дышал он тяжело и часто, как человек, взбирающийся на крутую гору.

Он больше не заговаривал со мной и, по-видимому, позабыл о своей недавней откровенности, но стал еще вспыльчивее, еще раз-

дражительнее, несмотря на всю свою слабость. Напиваясь, он вытаскивал кортик и клал его перед собой на стол и при этом почти не замечал людей, погруженный в свои мысли и бредовые видения.

Раз как-то, к нашему величайшему удивлению, он даже стал напевать какую-то деревенскую любовную песенку, которую, вероятно, пел в юности, перед тем как отправиться в море.

В таком положении были дела, когда на другой день после похорон — день был пасмурный, туманный и морозный, — часа в три пополудни, я вышел за дверь и остановился на пороге. Я с тоской думал об отце...

Вдруг я заметил человека, который медленно брел по дороге. Очевидно, он был слеп, потому что дорогу перед собою нащупывал палкой. Над его глазами и носом висел зеленый козырек. Сгорбленный старостью или болезнью, он весь был закутан в ветхий, изодраный матросский плащ с капюшоном, который делал его еще уродливее. Никогда в жизни не видал я такого страшного человека. Он остановился недалеко от трактира и громко произнес нараспев странным, гнусавым голосом, обращаясь в пустое пространство:

— Не скажет ли какой-нибудь благодетель бедному слепому, потерявшему драгоценное зрение во время храброй защиты своей родины, Англии, да благословит Бог короля Георга, в какой местности он находится в настоящее время?

— Вы находитесь возле трактира «Адмирал Бенбоу», в бухте Черного Холма, добрый человек, — сказал я.

— Я слышу голос, — прогнусавил старик, — и молодой голос. Дайте мне руку, добрый молодой человек, и проводите меня в этот дом!

Я протянул ему руку, и это ужасное безглазое существо с таким слащавым голосом схватило ее, точно клещами.

Я так испугался, что хотел убежать. Но слепой притянул меня к себе.

— А теперь, мальчик, — сказал он, — веди меня к капитану.

— Сэр, — проговорил я, — честное слово, я боюсь...

— Боишься? — усмехнулся он. — Ах вот как! Веди меня сейчас же, или я сломаю тебе руку.

И он так повернул мою руку, что я вскрикнул.

— Сэр, — сказал я, — боюсь я не за себя, а за вас. Капитан теперь не такой, как прежде. Он сидит с обнаженным кортиком. Один джентльмен уже приходил к нему и...

— Живо, марш! — перебил он меня.

Никогда я еще не слышал такого жестокого, холодного и мерзкого голоса. Этот голос напугал меня сильнее, чем боль. Я понял, что должен подчиниться, и провел его в зал, где сидел наш больной пират, одурманенный ромом. Слепой вцепился в меня железными пальцами, навалиясь на меня всей своей тяжестью, и я едва держался на ногах.

— Веди меня прямо к нему и, когда он меня увидит, крикни: «Вот ваш друг, Билли!» Если не крикнешь, я вот что сделаю!

И он так вывернул мою руку, что я едва не потерял сознание. От страха перед слепым нищим я забыл мой ужас перед капитаном и, открыв дверь зала, дрожащим голосом прокричал те слова, которые слепой велел мне прокричать.

Бедный капитан вскинул глаза вверх и разом протрезвился. Лицо его выражало не испуг, а скорее смертельную муку. Он попытался было встать, но у него, видимо, не хватило сил.

— Ничего, Билли, сиди, где сидишь, — сказал нищий. — Я хоть и не вижу, зато слышу, как муха пролетит. Дело есть дело. Протяни свою правую руку... Мальчик, возьми его руку и поднеси к моей правой руке.

Мы оба повиновались ему. И я видел, как он переложил что-то из своей руки, в которой держал палку, в ладонь капитана, сразу же сжавшуюся в кулак.

— Дело сделано, — сказал слепой.

При этих словах он отпустил меня и с проворством, неожиданным в калеке, выскочил из общей комнаты на дорогу. Я все еще стоял неподвижно, прислушиваясь к удаляющемуся стуку его палки.

Прошло довольно много времени, прежде чем мы с капитаном очнулись. Я выпустил его запястье, а он потянул к себе руку и взглянул на ладонь.

— В десять часов! — воскликнул он. — Осталось шесть часов. Мы еще им покажем!

И вскочил на ноги, но сейчас же покачнулся и схватился за горло. Так стоял он, пошатываясь, несколько мгновений, потом с каким-то странным звуком всей тяжестью грохнулся ничком на пол.

Я сразу кинулся к нему и позвал мать. Но было поздно. Капитан скоростижно скончался от апоплексического удара. И странно: мне, право, никогда не нравился этот человек, хотя в последнее время я начал жалеть его, но, увидев его мертвым, я горько разрыдался. Это была вторая смерть, которая произошла у меня на глазах, и горе, нанесенное мне первой, было еще слишком свежо в моем сердце.

СОДЕРЖАНИЕ

РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН. ОСТРОВ СОКРОВИЩ

Перевод Н. Чуковского

Часть первая. Старый пират	9
Часть вторая. Судовой повар	40
Часть третья. Мои приключения на суше	69
Часть четвертая. Частокол	83
Часть пятая. Мои приключения на море	108
Часть шестая. Капитан Сильвер	135

РОНАЛЬД Ф. ДЕЛДЕРФИЛД. ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕНА ГАННА

Перевод Л. Жданова, Л. Самуйлова

Часть первая. Сын приходского священника	175
Часть вторая. Пират поневоле	226
Часть третья. Путь домой	291

ДЕНИС ДЖУДД. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОЛГОВЯЗОГО

ДЖОНА СИЛЬВЕРА

Перевод Д. Гуревича

339

ФРЭНСИС БРАЙАН. ДЖИМ ХОКИНС И ПРОКЛЯТИЕ

ОСТРОВА СОКРОВИЩ

Перевод И. Бессмертной

Пролог. Взросление: достигаю совершеннолетия	521
Часть первая. Сверкающий лик опасности	525
Часть вторая. В дорогу — с надеждой	571
Часть третья. Все чернее и чернее	610
Часть четвертая. Нераскаянный вор	659
Часть пятая. Джентльмены духа	702
Часть шестая. Да падет удар	732
Эпилог. Ложе из роз?	782